
Евгений ВИТЧЕНКО

ИЗ ЦИКЛА «ВАН ГОГ И ОКРЕСТНОСТИ»

* * *

Подсолнухи, ирисы, комната в Арле,
Окна во двор, и желтеет стена.
Воздух двоится в покинутой спальне,
Воздух дрожит, потому тишина

Здесь звенящая. Что о вихрастом Ван Гоге?
Что жил, что скитался, что в рюмке абсент?
Что здесь у идущих по пыльной дороге
Сильный и русскоязычный акцент?

Наш натюрморт: пять картофелин в миске
И над столом керосиновый свет.
Le Café de nuit (Night cafe по-английски),
И мы медленно едем с катушек, Винсент...

Мы медленно едем с катушек, но верно,
Болезненно желт этот наш желтый дом,
Полночный кошмар наш, застенок, inferно.
Я не о картине сейчас: о другом.

О том, что коптит все огарочек лунный,
На окнах больничных решетки в проем.
И как же с Ван Гогом не пить, сам подумай,
Как не вспоминать здесь, скажи мне, о нем?

* * *

Боже мой, мы все умрем,
Как подумаешь об этом...
Ангел в свитере моем,
Ты каким попутным ветром?

Евгений Витченко родился в 1983 году в Караганде. Окончил факультет истории и политических наук Тюменского государственного университета. Публиковался в литературных журналах «Крещатик», «Новая Юность», «Нева», «Сибирские огни», «Нижний Новгород» и др. Живет в Тюмени.

Ты не куришь? Говори,
Кем следить за мной поставлен?
Или это по любви,
Исключение из правил?

Что однажды неспроста
Ты попался мне навстречу,
Оттого мои уста
Заняты прямою речью:

Я тебя благодарю
За доверие, за службу,
За доверчивость твою,
За мою живую душу...

И за то, что невдомек
Мне твои увещеванья,
Нянченье со мной, комок
Мокрых крыльев на прощанье.

* * *

Листик кленовый, изрезанный, остроконечный,
Под ноги все норовит нам с тобою, конечно,
Или прилипнет на стянутом замшей плече.
Да не сорвется, покуда дел мастер заплочных
Где-нибудь рядом стоит в inferнальном плаще.

Да не носить головы тебе, мальчик, покуда
Тикают с боем часы, и надежды на чудо
Нет. Как неловко в сиянии белом врачу!
Ангел-хранитель не сделает лишнего круга,
Видно, недаром я груз своей жизни влачу

В тихом смирении. Свет, приходя, не включаю.
В мутной передней себя тебе, Боже, вручаю,
Пусть же согреет нас всех керосиновый свет!
Кто там в потемках гремит, подбирая, ключами,
Тесных, как в бочке, в которой голландская сельдь?..

Для полноты натюрморта осеннего рюмку
Водки граненую, с холода мне, недоумку,
С верхом налитую. Кровь превращается в спирт.
Малость еще подежурю на кухне и юркну
В форточку: листик пусть к стае кленовой летит.

* * *

Я один. И на мне, вроде нимба,
Спиртовое свеченье мое.
Признаю, я не трезвенник, ибо
Выносимо, как рай, бытие.

В тихом сумраке летнем, как белый
И трепещущий ангел, застыл
Контур мой на стене пустотельный.
С парой видимых в сумерках крыл.

Куст сирени к спине прирастает,
Флегматичные крылья сложив
Мне на плечи. То очень простая
И несносная штука, как жизнь.

Как до этих вот сумерек летних
Я ходил, одинок, по земле,
До расправленных крыльев вот этих.
Или сложенных в грязном белье,

Только солнце кровавое брызнет
С горизонта. И, словно вампир,
Ты по-тихому выйдешь из жизни,
Даже если свое недопил.

* * *

Оттого и ночь светла,
Что в глазах моих темнеет.
И луна неярко тлеет,
Скажем так: едва-едва.

Наведенного ствола
Ты затылком холод чуешь,
На источник света шуришь
То один глаз, а то два.

Не одно, а два крыла,
Ох, непросто же даются.
Приглушенный сеет люстра
Свет раздетым донага.

Сигареты трын-трава.
Всматривайся в кромку леса,
Я ведь тоже ни бельмеса,
Когда станет мне пора.

Это все слова, слова...
Что-то в спешке упустил я,
И свои сложили крылья
Две совы. Одна сова.

Дерево, все деревья,
Ощетинились всей хвоей...
Снег на черепице кровель,
В общем, зимние дела.

Смерть была белым-бела,
Но потом внезапно смерклось.
Это в снег, простим за смелость,
Прячутся тетерева.

Голове ждать топора,
Соль с которого не смыта.
Это ангельская свита
В белом, то есть доктора.

Тридцать снежного числа
По двору скоблит лопата,
Смена ангела-медбрата,
А в дневную медсестра...

* * *

Ласточка взаперти,
совести чистой узница.
Душу сорвет с петли,
в форточку хлынет улица,
Выводок из машин,
мимо плывущий выводок.
Это ты сам решил,
что весна, свою тушу выволок

На скамеечку, где
даже тени нет Мандельштамовой...
Лишь круги на воде,
лишь вода, все замедленной камерой.
А отсюда, где ты,
хорошо засмотреться, задуматься.
В мире столько воды,
что твоя ей жемчужная устрица

Перламутровая!
Так что лучше улитка: та с домиком.
И манера твоя,
ключ к душе оставлять под ковриком.
Сколько в мире дорог,
ни одна не приведшая в Рим еще,
и свернулось в творог
молоко зимних сумерек. Вымощен,

Но растаскан давно
райский сад: кто булыжник, кто статую.
Третий смотрит в окно,
на юность свою усатую.
А что крылья на мне
в самый раз, так с плеча не чужого-то.
Это кто там, в окне,
с пятибалльной воюющий шторую,

Не твоя ли душа,
словно парусник одномачтовый?
С птичьего этажа
вижу, что мать-и-мачеха
в ядовитых цветах
кисти и впрямь Ван-Гоговой...
Но не надо цитат,
приходящих в пробитую голову.